

АНАЛИЗ ДИСКУРСА

ХАРАКТЕР ЭМОТИВНОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

М.В. Беляков

Кафедра русского языка для иностранных учащихся
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Дипломатический дискурс как один из наиболее закрытых типов институционального дискурса в последнее время привлекает особое внимание. Изучается его лексический состав, характерные синтаксические конструкции, сложная система семантических отношений внутри этого типа дискурса. Исследование эмотивности в дипломатическом дискурсе вызывает особый интерес, поскольку при внешнем протокольном запрете на эмоции в дипломатических текстах и интервью выражение эмоций и оценок того или иного события тем не менее присутствует. В статье на примерах текстов интервью дипломатов высшего звена по поводу современных военных и дипломатических конфликтов методами тектологического и семантического анализа выявляются лексические и синтаксические конструкции, характерные для дипломатического дискурса, выражающие эмоции и обладающие оценочностью. Выявляются примеры эксплицитной и имплицитной эмотивности и оценочности, решается вопрос о допустимости изменения коннотаций в данном типе дискурса.

Ключевые слова: эмотивная конструкция, дипломатия, дискурс, текст, интерпретация, имплицитная эмотивность.

«Язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме скрытой за ней мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела».

Л. Витгенштейн

Эмоционально-речевое поведение в свете теории дискурса заслуживает серьезного внимания со стороны исследователей-лингвистов, но, поскольку общепризнанной концепции лингвистической теории эмоций на сегодняшний день не разработано, изучение этого аспекта речевой деятельности пока проводится не в рамках единой системы. Человеческим эмоциям и оценкам в структуре высказывания и текста посвящено немало работ. Например, В.Г. Гак изучил и описал понятие эмоционально-оценочной рамки высказывания и ее формирование, соотношение

эмоциональных и нейтральных блоков в высказывании и тексте, формирование в них эмоционально-оценочных блоков [2]. Это исследование опиралось на актуальную теорию эмоций в психической и речевой деятельности.

В свое время К. Изард [3] предложил классификацию эмоций в рамках теории дифференциальных эмоций. Он выделял 10 базовых, или фундаментальных, эмоций, каждая из которых имеет специфические аспекты (нейрофизиологический, нервно-мышечный и феноменологический): интерес-волнение, радость, удивление, горе-страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина.

В трудах В.И. Шаховского [9] для обозначения языковых значений, связанных с выражением эмоций субъекта речи, был разработан термин «эмотивность», который в дальнейшем использовался рядом исследователей, таких как Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, А. Вежицкая, Л.А. Пиотровская, Ю.С. Сорокин, В.Н. Телия и др.

Вне сомнения, проводимый сегодня в этом направлении разными исследователями анализ эмотивности текста призван в дальнейшем лечь в основу единой научной стратегии.

Несомненно, эксплицитное выражение эмоций имеет как различающееся качественное и количественное представление в различных сферах использования языка, так и дискурсивно-типовую обусловленность. Узуально эмотивно ограниченный характер имеет сфера терминологии, юридический, экономический и другие типы дискурса, в том числе дипломатический дискурс.

Дипломатический дискурс, будучи практически закрытым в силу своей специфики, представляет особый интерес для изучения с точки зрения эмотивности. Благодаря тому, что ряд дипломатических текстов выступлений дипломатов высшего звена, их интервью ведущим информационным агентствам с определенного момента стали доступны (в том числе на официальных сайтах сети Интернет), появилась возможность изучать эти тексты с позиций явления оценочности в дипломатическом дискурсе и вопросы эмотивности, тесно связанные с понятием оценочности.

Выражение эмоций говорящим в контексте коммуникативного дискурса может рассматриваться как намерение вызвать определенную эмоциональную реакцию со стороны собеседника или воздействовать на адресата как невольно, так и преднамеренно.

В дипломатическом дискурсе коммуникативная ситуация имеет свою специфику. Коммуникативный акт и речевое поведение в этом типе дискурса обладают особыми чертами. Известно, что субъект, порождающий высказывание, и адресат, воспринимающий сообщение, выступают в речевом общении прежде всего как личности, а в случае дипломатического дискурса за личность дипломата-переговорщика стоит еще и более крупный коммуникант — государство, которое этот дипломат представляет.

Таким образом, дипломат в процессе профессиональной коммуникации на официальном уровне, как правило, высказывает не свое личное мнение, а так сказать, «коллективное» мнение, выражающее позицию представляемого государства и сформированное группой экспертов-аналитиков по каждому конкретному

вопросу или же отражающее мнение первых лиц государства. С этим, в частности, связана низкая частота употребления местоимения «я» в текстах такого типа.

Как правило, ограничительные рамки эмотивности на официальном межгосударственном уровне связаны с традиционным дипломатическим протоколом, имеющим как вербальные, так и невербальные рамки. При этом, несомненно, следует учитывать, что дипломатический дискурс, имея ряд общих черт, обусловленных, в частности, соблюдением дипломатического протокола, может отличаться в зависимости от исторических, культурных, языковых, дипломатических и пр. традиций представляемой стороны, от взаимоотношений сторон. Кроме того, он зависит от индивидуальных психологических, речевых, поведенческих особенностей лица, представляющего определенную сторону. Естественно, с точки зрения эмотивности политические дискурсы Россия — США, Россия — Куба, Северная Корея — Южная Корея будут иметь различное оформление.

Существуют также и некоторые «жанровые» особенности. В ситуации интервью, ответов на вопросы международным новостным агентствам речевое поведение интервьюируемого дипломата отчасти определяется теми правилами, о которых говорилось выше, но в отличие от сугубо официальных выступлений и заявлений рамки допустимой эмотивности этих речевых актов могут быть несколько расширены.

Категория эмотивности может рассматриваться на разных языковых уровнях — как на уровне лексики, так и в рамках синтаксической теории предложения, так как эмоциональное отношение, как и любое отношение говорящего к чему-либо, предикативно, а значит синтаксично. Существуют особые синтаксические единицы — эмотивные высказывания, с помощью которых коммуникант может выразить свои эмоции.

Поскольку даже в рамках интервью официальное лицо должно придерживаться официально-делового стиля речи, высказывания, как правило, бывают насыщены клишированными фразами, и эмотивная лексика подбирается также особым образом. В качестве примера можно привести фрагмент «Вступительного слова Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова перед началом переговоров с Министром иностранных дел Кубы Б. Родригесом в Гаване» 29 апреля 2014 г.: «Очень *приятно* снова быть в Гаване и *почувствовать тепло* города, страны и ваших сердец. Наши отношения — не просто стратегическое партнерство, это *братские отношения, взаимные симпатии и солидарность*, испытанная временем и самыми тяжелыми событиями.

У наших двусторонних отношений конструктивная повестка дня. Мы *довольны*, что сегодня будет возможность подробно рассмотреть ход выполнения имеющихся договоренностей, прежде всего в торгово-экономической сфере, в соответствии с принятой нами программой до 2020 года» [6].

Следует заметить, что в приведенном фрагменте отсутствуют, несмотря на наличие эмоциональной оценки, конструкции с использованием первого лица единственного числа.

Как говорилось выше, в ситуации интервью, ответов на вопросы журналистов рамки допустимой эмотивности речи дипломата могут быть несколько расширены.

Пример из «Вступительного слова и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе церемонии награждения кубинских дипломатов», Гавана, 29 апреля 2014 г.:

Вопрос: Сергей Викторович, Вы сказали, что Вас тянет на Кубу. С чем это связано? Что для Вас Куба?

Ответ: Мне *не очень ловко* отвечать на этот вопрос. Прежде всего, мы руководствуемся деловой составляющей наших отношений, которые очень насыщенные... Повестка дня такова, что мы общаемся на регулярной основе, друг друга навещаем практически ежегодно или встречаемся «на полях» международных мероприятий. Это ответ с точки зрения служебной необходимости.

Я не знаю, что меня сюда *влечет* просто как человека, не знаю, что здесь такого *загадочного*. Но *влечет*. Здесь по-настоящему *чувствуешь* себя в какой-то невообразимо *доброй и теплой атмосфере*, среди людей, которые, подвергаясь в течение многих десятилетий тяжелым испытаниям в виде неприемлемого эмбарго, различных провокаций, сохранили *фантастически доброе отношение* к жизни. Это качество *мужественных и красивых* людей просто подкупает. Буду еще раз стремиться сюда попасть — и не обязательно в официальном качестве» [6].

Очевидно, в данном случае вопрос носил личный характер и не предполагал высказывания официальной позиции. Ответ был «пропущен через фильтр» служебных обязанностей и состоял из двух частей. Первая часть ответа имеет явно официальную окраску. Вторая часть, несмотря на проявление «неформального стиля» (*влечет* просто как человека, загадочное), содержит официальные протокольные элементы формального комплимента принимающей стороне, поскольку насыщена лексикой политического характера (подвергаться тяжелым испытаниям, эмбарго, провокации).

Эмотивными высказываниями считаются те, в состав которых входит эмотивная лексика.

В.И. Шаховский выделил следующие группы эмотивной лексики языка: лексика, называющая, обозначающая эмоции (т.е. дающая им имя), например, *радость*; лексика, описывающая эмоции, например, *дрожать от страха, отчаянно, с презрением*; и лексика, выражающая эмоции, например, *лизоблюд*. Лексика, обозначающая эмоции, в дипломатическом дискурсе допустима, а лексика, описывающая и выражающая эмоции, как правило, неприемлема. Скорее, эмоции возникают в результате оценки, например: *самоценный безальтернативный курс, конструктивная повестка дня, подлинно всеобъемлющий и т.п.* Безусловно, здесь выражение высокой оценки является проявлением положительных эмоций. Таким образом, можно говорить об имплицитной эмотивности. Что касается *доверительной, дружественной* или *теплой атмосферы*, то это клишированное выражение, характерное для официального стиля, превратилось в выражение сугубо протокольное.

Интервью в журналистике относится к разряду как информативных, так и аналитических жанров, где одной из возможностей выражения эмоций являются особые непредикативные единицы — эмотивные коммуникативы. Они, по мнению

В.Ю. Меликяна (в его терминологии «коммуникемы») [5], характеризуются высокой степенью антропоцентризма и экспрессивности, обладают большим прагматическим потенциалом, позволяя адресанту выражать субъективное отношение к фактам объективной действительности, активно вторгаться в эмоционально-волевою сферу собеседника, а также придавать тексту динамичность и информационную насыщенность. Выражать эмоции могут и предикативные единицы: вопросительные и восклицательные высказывания, а также высказывания, в состав которых входят коммуникативы, повтор, парцелляция, инверсия, эмотивная лексика. Официальным дипломатическим интервью коммуникативы («Боже мой! Кто знает!») не характерны.

Среди синтаксических конструкций, служащих для выражения эмоций в СМИ, выделяются вопросительные высказывания. Вопрос всегда более нагружен эмоционально, чем утверждение или отрицание, он увеличивает иллюкутивную силу высказывания и заставляет адресата активнее реагировать на ситуацию.

Однако в жанре интервью отвечать вопросом на вопрос не принято, поэтому вопрос у интервьюируемого выступает как повтор заданного ему вопроса интервьюером с целью усиления эмотивной компоненты. Так, например, в тексте интервью Посла России в Афганистане А.Л. Аветисяна агентству «Интерфакс» 1 апреля 2013 г. на заданный ему вопрос: «*Насколько сильны позиции движения „Талибан“? Могут ли помочь переговоры стабилизировать ситуацию с талибами?*» Посол ответил: «...*Насколько сильны позиции движения „Талибан“? К сожалению, их позиции сильны...*» [6].

Восклицательные высказывания как эмотивное средство используются для выражения сильных эмоций (удивления, недоверия, радости и т.д.). В дипломатических текстах, даже в жанре интервью, восклицательные высказывания не приняты. Известно, что к числу эмотивных средств причисляют парцеллированные высказывания, выражения с инверсивным порядком слов, уже упоминавшиеся выражения с повтором. Но, по нашим наблюдениям, такие конструкции в дипломатическом дискурсе малопродуктивны. Основным средством выражения оценки и, соответственно, эмотивного отношения, остается лексика.

Неоднократно отмечалось разными исследователями, что средств для негативной оценки и негативных эмоций в естественном языке накоплено больше, чем для эмоций положительных. Язык, фиксируя отклонения, отдает предпочтение отрицательному полюсу. Немецкий лингвист А. Бах пишет: «Народ хвалит неохотно, популярнее — порицание и критика. Боль, гнев, злость и насмешка отражаются в слове и ведут к подбору все новых и новых оборотов» [Цит. по: 4. С. 41].

Это наблюдение подтверждается и в дипломатических текстах. «Мы видим всю *пагубность* ставки на военное решение сирийского кризиса. Мы против односторонних санкций, добавляющих боль и страдания сирийскому народу» (там же). При оценке корейского кризиса весны 2013 г. в этом же интервью звучали традиционно клишированные эмотивные оценки сложной негативной ситуации: «...достаточно элементарной человеческой *ошибки* или технического *сбоя*, чтобы развитие событий *вышло из-под контроля*, *свалилось в кризисное пике*», взрыво-

опасная ситуация, *тупиковость* использования механизмов одностороннего *санкционного давления*, разрешения *силовым путем* абсолютно *контрпродуктивны и опасны*. Даже такое словосочетание, как *серьезная обеспокоенность*, тоже служит маркером негативной эмотивной оценки, т.к. «серьезно обеспокоиться» можно только из-за какой-то неприятной проблемы.

Видно, что хотя описанные выше эмотивные конструкции (восклицательные, вопросительные, повторы, инверсия и пр.) в чистом виде не используются, оценочный лексический компонент позволяет однозначно определить эмоции, испытываемые в интервью, как позитивные и негативные. Во вступительном слове и ответах Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Госсекретарем США Дж. Керри (Москва, 7 мая 2013 г.) в блоке, касающемся положения в Сирии, негативные эмоции эксплицитно выражаются эмотивными эпитетами, лексемами с негативной коннотацией: «...от продолжающейся *ужасной катастрофы* в стране, от которой страдают, прежде всего, гражданские лица. Это происходит из-за *страха*, что, если воюющие против режима силы победят, то Сирия... превратится в страну, где „*балом правят*“ экстремисты», «Надо быть уверенным на сто процентов, что мы не окажемся в *плену слухов*, а то и сознательных *провокаций*» [электронный ресурс].

Стоит отметить, что речь Министра иностранных дел С.В. Лаврова, по нашим наблюдениям, в отличие от выступлений дипломатов более низкого ранга, насыщена эмотивными конструкциями в форме разного рода фразеологизмов. Эмотивная сила фразеологизмов в текстах официально-делового стиля заметно увеличивается, поскольку они появляются на общем фоне клишированных фраз и сухой нейтральной лексики: «...терроризм, экстремизм и многие другие угрозы требуют объединения усилий. Здесь не может быть *игр с „нулевым результатом“*». Как и во времена *смертельной опасности* для цивилизации, мы вновь должны соединить воедино наши усилия, возможности и ресурсы». «Слова, которые только что произнес мой коллега о попытках самых радикальных и экстремистских сил *«ловить рыбку в мутной воде сирийского кризиса»*, — ключ к пониманию общности этой проблемы для России, США и всех других миролюбивых государств...» [электронный ресурс].

В ответах Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы телеканала RTVi по ситуации вокруг КНДР (Москва, 9 апреля 2013 г. (mid.ru)) прослеживается та же самая тенденция: «...ситуация и так очень серьезная, потому что ядерные взрывы, запуски ракет — *это не шутки*. Но риторика играет не менее *„вредную“* роль, так как в какой-то момент взаимные обвинения, угрозы и предупреждения могут *достичь критической точки*, когда люди *загонят* сами себя в угол, и нужно будет действовать, что-то предъявить общественному мнению», «...не *накручивать конфронтацию*, не *нагнетать эмоции*, а постараться методом дипломатии, скорее всего *«тихой»* и *непубличной*, вывести ситуацию из *«обочины»*, куда она *свалилась*, на дорогу, ведущую к возобновлению шестисторонних переговоров». «...Желание *„отметиться“*, *сорвать аплодисменты* у ка-

кой-то части аудитории путем такой *достаточно экзотической* позиции должно уступить место поиску успокоения ситуации по всем фронтам» (mid.ru).

Такие же явления наблюдаются, например, в комментарии заместителя директора Департамента информации и печати МИД России М.В. Захаровой в связи с заявлениями «Аль-Каиды» по Сирии (mid.ru): «...планами международных террористов превратить эту страну в свой *главный плацдарм* на Ближнем Востоке», «...задача, мол, решается силами получившей *кровавую известность* „Джабхат ан-Нусра“». «Россия *решительно* и *безоговорочно* осуждает терроризм...», «...просматриваются признаки *двойных стандартов*, когда *откровенные вылазки* террористов...».

Некоторые исследователи придерживаются мнения, что определение той или иной эмоции, выражаемой эмоциональной конструкцией, довольно субъективно, и установление четких границ между различными эмоциями затруднено из-за диффузного характера самих эмоций, а эмотивные знаки, как и большинство единиц языка, носят произвольный и индексальный характер, потому что эмоции как внутренний психический феномен недоступны прямому наблюдению [7].

Одним из способов выражения эмотивной оценочности служит изменение коннотации слова. Согласно В.Н. Телия, коннотация — это «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания единицы, который дополняет денотативное и прагматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии или ситуации, с реально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельности, социальные отношения между участниками речи, ее формой и т.д.» [8. С. 107]. В структуру коннотации включаются следующие компоненты: 1) оценочный; 2) эмоциональный; 3) экспрессивный; 4) функционально-стилистический. Эти компоненты придают лексемам семантическую завершенность.

Изменения коннотаций как одного из способов проявления эмотивности в дипломатических текстах нами отмечено не было. Можно предположить, что поскольку официальные дипломатические заявления, включая и интервью, предполагают последующий перевод, а переводить текст, где встречаются лексемы с измененной коннотацией, еще сложнее, чем тексты с элементами языковой игры — всегда существует опасность недопонимания, неверной интерпретации и, соответственно, ошибок при переводе, что для дипломатического дискурса крайне нежелательно.

Таким образом, можно прийти к выводу, что эмотивные конструкции, активно применяемые в текстах других дискурсов, в дипломатическом дискурсе мало распространены, а наиболее продуктивным средством имплицитной оценочной эмотивности являются слова и словосочетания, как имеющие, так и не имеющие соответствующий (эмотивный) компонент в семантике единицы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.
- [2] *Гак В.Г.* Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 2.
- [3] *Изард К.* Эмоции человека. М., 1980.
- [4] *Илинская А.С.* Грамматические маркеры эмоциональности в английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
- [5] *Меликян В.Ю.* Коммуникемы со значением «оценки» в русском и английском языках. Ростов н/Д: Ростиздат, 2009.
- [6] Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт. Информационный бюллетень МИД России. 28—29 апреля 2014 г. URL: <http://www.mid.ru>.
- [7] *Радченко О.А., Закуткина О.А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6.
- [8] *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- [9] *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.

EMOTIVE CHARACTER OF A DIPLOMATIC DISCOURSE

M.V. Belyakov

Russian for Foreigners Chair
Moscow State Institute for Foreign Relations (University)
Vernadskogo av., 76, Moscow, Russia, 119454

Diplomatic discourse as one of the most closed types of institutional discourse has of late drawn considerable attention. This article is devoted to the investigation of lexical structures, characteristic syntactic constructions, and the complex system of semantic relations within this discourse. Special interest underpins the need for research of emotivity in diplomatic discourse, because contrary to the assumption that diplomatic protocol undermines expression of emotions in diplomatic texts and interviews, expression of emotions and evaluations of an event is nevertheless present. Taking examples from texts and interviews of senior diplomats dealing with modern military and diplomatic conflicts, lexical and syntactic structures typical of the diplomatic discourse, expressing emotions and appraisals have been revealed, using the method of text and semantic analysis. There are some examples of both explicit and implicit emotivity and the question of admissibility of changing connotations in this type of discourse is also discussed.

Key words: emotive construction, diplomatic discourse, interpretation, implicit emotiveness, connotations.

REFERENCES

- [1] Vitgenshtein L. Logico-philosophy tractat. M., 1958.
- [2] Gak V.G. Emocii i ocnenki v structure vyskazyvaniya // Vestnik VGU. ser. 9. Phylologia. 1997. № 2.
- [3] Izar K. Emocii cheloveka. M., 1980.
- [4] Ilinskaya A.S. Grammaticheskie markery emocional'nosti v anglijskom yazyke. Ref diss. ... kand. philol nauk. Barnaul, 2007.

- [5] Melikyan V.Yu. *Communicemy so znacheniem ocenki v russkom i anglijskom yazykakh*. Rostov n/Don: Rosizdat, 2009.
- [6] Ministerstvi Inostrannykh Del RF. Oficial'nyj sajt. Informacionnyj Buleten' MID PF. 28—29.04.2014 Available at: <http://www.mid.ru>.
- [7] Radchenko O.A., Zakutkina O.A. Dialektnaya kartina mira kak inioetniceskij fenomen // *Voprosy yazykoznaiya*. 2004. № 6.
- [8] Teliya V.N. *Connotativnyj aspekt semantiki nominativnykh jedinic*. M., 1986.
- [9] Shakhovskij V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emocij*. M., 2008.